

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Издатель А. А. Йозефовичъ.

Главная контора газеты в Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ домѣ Императорского Университета № 7, или „Публичной Библиотекѣ“ Александра Александровича Йозефовича, принимаетъ подпись и обьявления; открыта въ будни отъ 9 час. утра до 7 час. вечера, а въ воскресные и праздничные дни отъ 11 до 4 час. дня.

№ 113.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ.

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ.

ХАРЬКОВЪ, ПЯТНИЦА 1 (13) МАЯ 1881 ГОДА.

ГОДЪ I.

ОТДЕЛЬНЫЕ №№ „ЮЖНОГО КРАЯ“ ПРОДАЮТСЯ по 6 к.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на „ЮЖНЫЙ КРАЙ“, 1881 ГОДА.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.											
Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.											
Город, без доставки	10	50	10	9	25	8	50	7	6	5	40	4	50										
Город, с доставкой	12	—	11	50	10	75	10	9	10	8	20	7	6	30	5	20	4	2	80	1	40		
Иногородные	12	50	12	11	25	10	25	9	50	8	50	7	50	6	60	5	60	4	50	3	20	1	60

Допускается разсрочка въ платежѣ за годовую экземплярь по соглаш. съ главной конторой газеты. Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа наѣдного мѣсяца; но наѣждай срокъ простирается не далѣе какъ до конца 1881 г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: изъ главной конторы редакціи газеты въ г. Харьковѣ, на Московской ул., въ д. Императорскаго Харьковскаго Университета, № 7-я, при „Публичной Библиотекѣ“ А. А. Йозефовича; ТАМЪ ЖЕ ПРИНИМАЮТСЯ:

Кромѣ того, подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ книжныхъ магазинахъ Н. Г. Мартынова и „Нової Времени“ въ Москвѣ—въ книжной и газетной торговѣ П. Н. Шапошинова; въ Нѣвѣ—въ книжномъ магазинѣ Е. Я. Федорова; въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ В. И. Билько; въ Полтавѣ—въ книжномъ магазинѣ И. В. Бойко-Родзевицкаго и въ Кременчугѣ, посторица И. Ф. Зильберберга.

ОБЪЯВЛЕНИЯ ПРИНИМАЮТСЯ: изъ Франціи исключительно въ Парижѣ—у Нахас, Lafite et C° 8 Place de la Bourse; въ Москвѣ—въ Центральномъ конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Петровской, домъ Соломоновика, въ Петербургѣ—въ той же конторѣ на Невской проспектѣ, въ домѣ Струбниковъ и въ Варшавѣ—въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Реймана и Фрэндлеръ на Сенаторской улицѣ, въ домѣ № 22.

СОДЕРЖАНИЕ:

Харьковъ, 20-го апреля 1881.

Изъ земской жизни, В. В.—а.

Листъ яхроника.

Телеграммы: (отъ специальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и отъ „Международнаго телеграфнаго агентства“).

Внутренніе извѣстія: Корреспонденціи „Южнаго Края“ изъ Тимисоа, Александровска и Константино-Городскаго уѣзда и изъ Вильнюса; Административныя новостіи—Извѣстія изъ газетъ.

Обзоръ газетъ и журналовъ.

Политическое обозрѣніе.

Календарь.

Справочныя свѣдѣнія.

Фельетонъ: Вѣнѣ Россіи, К.—ка.

Приложение: Замѣтки на отчетѣ г. Директора. Надѣра.

Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

30-го апреля 1881.

Телеграмма изъ Софиѣ принесла намъ извѣстіе, которое не можетъ не волновать до глубины души каждого русскаго человѣка, кому дороги политическія судьбы славянскаго племени, для котораго священныя жертвы, труды и результаты недавней еще войны на Балканскомъ полуостровѣ. Здѣсь земля смочена, чутъ ли не въ каждомъ вершинѣ, кровью русскаго солдата. Здѣсь страдала великою заботою душа Государя Александра II-го, пришедшаго освободить и устроить болгаръ. Мѣсто

это для настъ свято есть. На немъ, казалось намъ, прочно построено было руками Царя—Освободителя зданіе государственной независимости и гражданской свободы одного изъ наиболѣе пострадавшихъ въ ряду всѣхъ мучениковъ-народовъ славянскаго мира. Мы были счастливы мыслью, что Россія зложила добрыя сѣмна для правильнаго политического развитія болгаръ. Мы надѣялись на благатые всходы изъ этихъ сѣмнъ въ будущемъ для всѣхъ славянскихъ народовъ. Повидимому, все это размыкается въ прахъ передъ жестокимъ дѣйствительностью, которая выступаетъ изъ-за строкъ гладко и красиво составленной телеграммы, гдѣ говорится о близкой смерти конституціонаго развитія болгарскаго княжества. Внезапно, какъ Deus ex machina, явилось передъ нами, русскими людьми, заявленіе, что „Болгарія дикредитирована извѣнѣ“, т.е. „положеніе дѣлъ поколеблено“, тогда какъ, лишь на днѣхъ, читали мы извѣстіе объ пріобрѣтеніи этого „дикредитированія“ и поколебленіи страной Пиротскаго округа отъ Сербіи, за 5 миллионовъ франковъ. Не менѣе поражаетъ насъ фраза о томъ, что установленный послѣ войны правовой и конституціонный порядокъ „поколебалъ въ народѣ вѣру въ справедливость закона“.

Въ тревогѣ душевной, спрашиваемъ мы себя: что буде дѣлать народъ

и сомнѣнія, если мы обратимся къ отчамъ и рѣчамъ, которые произносятся, въ настоящее время, на „конгрессѣ французской ассоціаціи для поощрения наукъ“, собравшимся изъ этой, еще такъ недавно, „варварской страны“. До занятія французами Алжира, даже хѣбонашество и скотоводство находилось тамъ въ самомъ никакомъ положеніи: туземцы не знали другихъ орудій обработки полей, какъ жалкіе деревянныя сохи, и если получаемая имъ жатва доставляла средство прокормленія, то исключительно благодаря спасительной помощи французовъ, которые, въ свою очередь, получали изъ-подъ земли зерно, которое привозили изъ Египта. Но это прекрасно, конечно, но какъ то трудно вѣрится, что образованіе идетъ въ Алжирѣ такими быстрыми шагами, тогда какъ въ самой Франціи 48% населения совершенно безграмотны!

Какъ известно, во Франціи города отличаются особеннымъ многолюдствомъ и составляютъ около 50% всего населения страны. Перецись, произведенная за послѣдніе годы показала, что почти 48% городскихъ жителей не умѣютъ ни читать, ни писать, а слѣдовательно не отличаются особенною цивилизацией. Если же мы примемъ во внимание, что по общему закону, городъ притягиваетъ къ себѣ лучшіе силы провинціи, то получимъ весьма непрѣятельское положеніе относительно образования въ деревняхъ. И дѣйствительно, французы, считающіе Россію за варварскую страну, гдѣ по ихъ мнѣнію, на главныхъ улицахъ въ провинціальныхъ городахъ, „помѣщики съ кнутомъ въ рукахъ охотятся за лисицами“, и гдѣ въ настоящее время преобладаютъ „двѣ политическихъ

болгарскій, у котораго отрицаются передъ цѣнными мѣрами, „вѣра въ справедливость закона“? Найдеть ли народъ этотъ прямой и правильный выходъ изъ своего положенія, опираясь на учрежденія, данныя ему, въ качествѣ единственно-возможной формы правового государства, жертвами Россіи и благою волею нашего покойнаго Императора? Или же въ Болгаріи разыгрывается въ миниатюрѣ сцена испанскаго республиканства, съ вариантомъ диктатуры бисмарковскаго пошиба, съ со-средоточеніемъ всѣхъ властей въ той десницѣ, которая держитъ мечъ и пистолетскій свистокъ въ кулакѣ своемъ?

Тяжелы, мучительны вопросы эти. Но отѣчь на нихъ, вѣрою, дѣстъ намъ недалекое будущее. Тогда мы увидимъ всю истину. Намъ станутъ ясными: и назрѣвшія уже политическая способности болгарскаго народа, и та цѣна, которую давалъ онъ государственному устройству княжества, гдѣ работали лучшія политическія силы Россіи,—и всѣ, очень возможныя, вынѣкнія вліянія, которая подѣбовалась на пагубу конституціонной жизни юнаго княжества изъ банкирскихъ магазинъ г. Реймана и Фрэндлеръ на Сенаторской улицѣ, въ домѣ № 22.

При взглядѣ на довольно крупную цифру,—96,558 р., назначаемую по сѣмнѣ расходовъ полтавскаго губ. земства на народное образование и составляющую 27% всего земскаго бюджета, легко можно увлечься и подумать: вотъ земство, сердцу котораго близки интересы умственного развитія народной массы! Но если заглянуть глубже въ подробности распределенія этой суммы, то представится совсѣмъ другая картина. Главная масса денегъратится на среднее образование, недоступное сельскому крестьянскому населенію,—главному земскому патрѣату, выносящему въ то же время, почти исключительно, на своихъ плечахъ и бюджетъ государственный.

Вотъ подробное распределеніе суммы, ассигнованныхъ на образование полтавскаго губернскаго земства. На лубенскую классическую гимназію, въ которой изъ 368 учащихся 331 чел. принадлежитъ къ сословію привилегированнымъ, назначеннымъ на 1881 г. —17,872 р.; а отъ ея основанія израсходовала 250,000 р.

На реальная училища въ Полтавѣ, Кременчугѣ и Ромнахъ, и на прогимназію въ Прилукахъ—23,740 р.

На 4 женскія гимназіи и 5 прогимназій—7,085 р.; на усиленіе средствъ

на конгрессъ, заявляютъ передъ всѣмъ мѣромъ, что Алжиръ, въ настоящемъ此刻, представляетъ чисто земскими ресурсами, судя по ихъ виду, что правосудие и образование совершили переродили населеніе, что статистическая цифра преступлений падаютъ, а на ихъ мѣстѣ, ежегодно возвышаются, стоять цифры грамотныхъ, и что недалеко то время, когда среди низшаго класса не будетъ ни одного безграмотнаго... Все это прекрасно, конечно, но какъ то трудно вѣрится, что образованіе идетъ въ Алжирѣ такими быстрыми шагами, тогда какъ въ самой Франціи 48% населения совершенно безграмотны!

Какъ известно, во Франціи города отличаются особеннымъ многолюдствомъ и составляютъ около 50% всего населения страны. Перецись, произведенная за послѣдніе годы показала, что почти 48% городскихъ жителей не умѣютъ ни читать, ни писать, а слѣдовательно не отличаются особенною цивилизацией. Если же мы примемъ во внимание, что по общему закону, городъ притягиваетъ къ себѣ лучшіе силы провинціи, то получимъ весьма непрѣятельское положеніе относительно образования въ деревняхъ. И дѣйствительно, французы, считающіе Россію за варварскую страну, гдѣ по ихъ мнѣнію, на главныхъ улицахъ въ провинціальныхъ городахъ, „помѣщики съ кнутомъ въ рукахъ охотятся за лисицами“, и гдѣ въ настоящее время преобладаютъ „двѣ политическихъ

женскаго образования въ уѣздахъ—3,100 р. На стипендиѣ 2 студентамъ медико-хирургической академіи—500 р. На образование дѣтей лицъ, служащихъ въ земствѣ—3,000 р.

На профессиональную школы: фельдшерскую—12,375 р. и Дехтиаревскую ремесленную, въ которой 2/3 учащихъ—принаследуютъ сельскому населенію—20,000 р. На канцелярію губернскаго учрежденія—500 р. и учительские съзѣдства есть не болѣе какъ употребляемые въ всесословно-общественныхъ дѣньги.

На профессіональную школы: фельдшерскую—12,375 р. и Дехтиаревскую ремесленную, въ которой 2/3 учащихъ—принаследуютъ сельскому населенію—20,000 р. На канцелярію губернскаго учрежденія—500 р. и учительские съзѣдства есть не болѣе какъ употребляемые въ всесословно-общественныхъ дѣньги.

Основано оно вслѣдствіе предложеннаго Г. П. Галаганомъ, въ даръ полтавскому губернскому земству своей усадьбы со всѣми принадлежащими къ ней постройками въ Дехтиаряхъ, прилукскаго уѣзда. Первоначально цѣлью этого похвастовыванія со стороны г. Галагана, было учрежденіе учителскаго семинаріи. Но земское собраніе нашло болѣе полезными для себя, устройство ремесленаго училища, съ чѣмъ согласился, на конецъ, и г. Галаганъ. Долго разсуждали объ этомъ предметѣ земѣ: у нихъ явилось даже раздумье,—принять ли вообще подарокъ на образовательное дѣло. Баллотировали вопросъ обѣмъ оставить ли училище въ вѣщахъ второстепенное. Лучшіе педагогические пріемы, получаючи значеніе очень условное и во всѣхъ случаѣхъ второстепенное. Учительскіе пріемы, когда только могутъ быть примѣнены къ жизни, когда школы имѣютъ надлежащее помѣщеніе, когда онѣ снабжены въ достаточномъ количествѣ хоромъ, учебными пособіями, когда, наконецъ, самъ учителя обезпечены и не рискуютъ умереть съ голоду. Существуютъ ли въ полтавскомъ земствѣ въ достаточномъ количествѣ хоромъ, учебными пособіями, когда, наконецъ, самъ учителя обезпечены и не рискуютъ умереть съ голоду?

Обратимся для примѣра къ школамъ лубенскаго уѣзда. Обратимся къ нимъ потому, что лубенскій уѣзъ имѣетъ классическую гимназію и, слѣдовательно, можно ожидать—достаточно приготовленіе къ ней свое населеніе. Если существуетъ въ немъ уже среднее образованіе, то должно проходить и низшее, начальное образованіе. Серединѣ предлагается собою начало. Но вотъ какъ свѣдѣнія почтеннаго учителя получены изъ отчотовъ лубенской земской управы.

Въ лубенскомъ уѣзѣ 25 училищъ, изъ которыхъ 23 содержатся на счетъ соединенныхъ средствъ земства, сельскихъ обществъ и частныхъ лицъ, и двѣ всѣцѣо на средства, собираемыя въ видѣ платы за ученичество.

Помѣщеніе 11 училищъ признается удовлетворительнымъ, а иногда даже удобнымъ;

но обѣ остальныхъ 14 горюются, что помѣщеніе ихъ тѣсны, бѣдны и неудобны, даже совсѣмъ неудобны. Въ 15 училищахъ, по отзывамъ инспектора народныхъ

кого. Лица, служащие во дворцѣ и, вообще, постоянно имѣющія спошненія съ дворцомъ, снабжены своими фотографическими карточками, для чего написаны изъ Петербурга особый фотограф. На обратной сторонѣ фотографической карточки находится пропускающая надпись, удостовѣряющая личность владѣльца карточки и печать конторы. Дубликатъ фотографической карточки хранится въ конторѣ при алфавитномъ указатѣльѣ всѣхъ служащихъ иѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, имѣющихъ надобность ежедневно бывать въ гатчинскомъ дворцѣ. Въ алфавитной книѣ подробно описаны прѣмѣты, званіе и родъ занятій всѣхъ поддѣбныхъ лицъ, такъ что, при малѣшемъ сомнѣніи, всякая личность можетъ быть немедленно удостовѣрена. Начальники охраны въ резиденціи Государа, полковники Антоновъ, совершенствуютъ эту часть ежедневно. Мысль о заведеніи фотографическихъ карточекъ, при которыхъ появленіе во дворцѣ какого нибудь Халтуринъ, безусловно немыслимо, принадлежитъ генераль-майору Н. М. Баранову. Мысль эту сочувственно встрѣтилъ генераль-адъютантъ графа И. И. Воронцовъ-Дашкова, несущій заботы о безопасности Государи Императора.

Моск. Вѣдъ "телеграфируютъ изъ Петербурга: въ городе продолжаютъ идти оживленные толки о новыхъ назначенияхъ; правдоподобные слухи указываютъ въ ближайшемъ будущемъ слѣдующіе перемѣны: графъ Милютинъ назначается намѣстникомъ Кавказа; графъ Воронцовъ-Дашковъ — министромъ двора; начальники главнаго штаба графъ Гейденъ — финальскимъ генераль-губернаторомъ.

"Нов. Вр." сообщаетъ, что по свѣдѣніямъ берлинской "National Zeitung" изъ Петербурга отъ 22-го апрѣля, выработанная въ общихъ чертахъ новая правительственная программа отвѣтствуетъ возврѣніемъ одного высокопоставленного лица. Программа эта сводится къ следующему: подавленіе революціонныхъ стремлений и одновременно съ этимъ широкой административныхъ реформъ, облегченіе бюджета, сокращеніе численности арміи, прѣстановленіе бортничаніонъ работъ отъ присланскаго края, восстановленіе волости.

"Страна" сообщаетъ, что гр. П. А. Валуевъ, адмиралъ К. Н. Посєтѣтъ и статсъ-секретарь Д. М. Сольский, не присутствовали въ послѣднемъ засѣданіи совѣта министровъ, посвященномъ обсужденію общаго положенія дѣлъ.

"Нов. Вр." сообщаетъ: наше правительство предписало русскому послу въ Константинополѣ, Новикову, бѣти въ сношеніе съ Василіемъ Портой и настоятельно потребовать выдачи нигилистовъ русскимъ агентамъ, сѣдившимъ за нихъ каждымъ шагомъ.

"Новости" передаютъ, что проектируется измѣненіе законовъ о дѣлахъ.

Государственный совѣтъ постановилъ увеличить кредитъ на устройство пародныхъ училищъ.

Прѣмъ женщины въ телеграфную службу вновь разрѣшено.

"Голосъ" передаетъ, какъ слухъ, что будто предстоитъ пересмотръ положеній о земскихъ учрежденіяхъ.

"Петербургскій Листокъ" сообщаетъ, что 24-го апрѣля, при очисткѣ Лиговского канала въ Петербургѣ, найденъ большой кожаный чемоданъ съ порохомъ и какими-то закупоренными жестьянками.

Въѣздѣство возмутительныхъ беспорядковъ, произведенныхъ толпою сего 26-го апрѣля, кievскій генераль-губернаторъ, дабы избѣжать необходимости принятія крайнихъ при ихъ повтореніи для подавленія мѣръ:

1) обращается ко всѣмъ благомыслившимъ гражданамъ города съ просьбою принять эпидемическое участіе, въ предѣлахъ средствъ и дѣятельности каждого, ко вразумленію путемъ совѣта и убѣжденія тѣхъ лицъ изъ простого народа, съ которыми по роду своихъ занятій они находятся въ какихъ либо спошненіяхъ.

2) убѣждаетъ населеніе, дабы оно, ради любопытства, не увеличивать собою толпы и тѣмъ не затрудняло дѣствій полиціи и военныхъ властей, на правленныхъ къ разсѣянію скопинъ и прекращенію беспорядковъ.

3) предваряетъ, что не пожелающие послѣдоватъ этому совѣту могутъ подвергнуться всѣмъ печальнымъ послѣдствіямъ усмиренія бушующей толпы, и въ взаимѣ не мѣстъ преступлениемъ участники беспорядковъ будутъ преданы военному суду, ста прѣмѣненіемъ къ нимънаказаний по законамъ военнаго времени.

и 4) объявляетъ, что, вообще, всяко скопленіе народа на площадяхъ и улицахъ безусловно воспрещается, засимъ, если толпа все-таки образуется, и по требованію полиційскаго или военнаго начальства не разойдется, то противъ нея будетъ, согласно существующему закону, употреблено оружіе. Подписать: кievскій, подольскій и волинскій генераль-губернаторъ генераль-адъютантъ Дрентель.

"Зара" сообщаетъ разсказы очевидцевъ о кievскихъ беспорядкахъ. Около 3 часовъ дня, 26 апрѣля, — безчинства дикой толпы были въ самомъ разгарѣ. По Александровской улицѣ уже видѣлось множество большихъ магазиновъ совершенно разбитыхъ и разграбленныхъ; народъ бѣжалъ изъ барной площи, двигались за нардомъ цѣлыя баталіоны пѣхоты, а барные лавки окружали казаки, толпы народа вѣдались изъ стороны въ сторону, въ воздухѣ стоялъ какой то дикий гулъ, прорѣзывавшій оглушительнымъ свистомъ. Толпа разорителей представляла собою положительно дикое стадо вѣзбившіеся; притомъ, между ними неизѣль было встрѣтить ни одного трезваго: съ безмысленнымъ крикомъ безобразно пытанный оборванецъ, въ пыли, лѣзѣтъ къ лавкѣ, хватается за выѣску, пробуетъ ломать дверь, бѣгть стекла, около него мгновенно образуется толпа, которая живо заражается примѣромъ, — все это речетъ, ломаетъ и наконецъ пробиваетъ двери и всѣ падаютъ въ лавку, откуда тотчасъ вѣлетъ на улицу всѣ содержимое. Вначалѣ ничто повидому не можетъ сдержать дикаго нападенія, тутъ же около разорителей стоятъ войска, поліція, — но продолжается дѣло разоренія. Не успѣютъ покончить съ одной лавочкой, толпа съ гикомъ и крикомъ набрасывается на другую опять за ними слѣдуетъ войско, ихъ отгоняютъ, — а дѣло разрушенія все продолжается. Въѣкоторыхъ случаѣахъ энергичная расправа и смѣлый рѣшительный образъ тогъ часъ же прекращали безчинство. Корреспондентъ "Зари" пришелъ самому вступить въ дѣло и вотъ въ числѣ другихъ сильчаковъ, они ринулись въ саму толпу, рискуя быть прежде всего задавленными лошадьми и толпою; бѣжали въ лавку полуразрушенную... тутъ имъ понадобятся въ руки съ поличными, крадеными шапками, пѣсколько пьяной черни; — бывшій съ ними необыкновенно сильный офицеръ двумя, тремя толчками почтѣ одинъ разогналъ цѣлую толку грабителей; при первой угрозѣ, первомъ взмахѣ палки, попавшей въ воръ безпрекословно отдаетъ назадъ отграбленное и бѣжитъ со всѣхъ ногъ. Разграбленіе барныхъ лавокъ продолжалось около часу, — но опять-таки все это разбѣгалось тотчасъ же послѣ сколько нибудь извѣстнаго времени, когда настѣнѣ мѣдную посуду. Покидали разорители съ энергичнымъ укротителемъ во главѣ, г. Красовскимъ, — офицеромъ ахтырскаго гусарскаго полка, который и вчера особенно отличился своей распорядительностью и рѣшимостью. При его появлѣніи толпа какъ одинъ человѣкъ бросалась бѣжать; и ни одинъ грабитель не дерзъ вступать въ пререканія, чувствовалась сила и необходимость подчиниться сейчасъ же, безпрекословно. Съ своимъ сотнею г. Красовскимъ объѣхалъ весь бazaar и прилагавшій улицы и менѣе чѣмъ въ полчаса вся площадь и какъ бы весь Подольскъ совершилъ преобразіе и спокойствіе водворилось. Казаки стали подниматься по Александровской улицѣ. Тутъ на площади около думы, где были стоянки солдатъ, показалась въ открытомъ экипажѣ генераль-адъютантъ Дрентель, который и отправился обозрѣвать городъ. Между тѣмъ къ 10 ч. утра, несмотря на множество разставленныхъ цѣпей войскъ, бунтовщики проникли на Михайловскую улицу и здѣсь разбили и разграбили большой домъ г. Фихтенгофца, бывшаго Вайнштейна. Въ одно изъ улицъ думы, где были стоянки солдатъ, показалась въ открытомъ экипажѣ генераль-адъютантъ Дрентель, который и отправился обозрѣвать городъ. Между тѣмъ къ 10 ч. утра, несмотря на множество разставленныхъ цѣпей войскъ, бунтовщики проникли на Михайловскую улицу и здѣсь разбили и разграбили большой домъ г. Фихтенгофца, бывшаго Вайнштейна. Въ одно изъ улицъ думы, где были стоянки солдатъ, показалась въ открытомъ экипажѣ генераль-адъютантъ Дрентель, который и отправился обозрѣвать городъ. Между тѣмъ къ 10 ч. утра, несмотря на множество разставленныхъ цѣпей войскъ, бунтовщики проникли на Михайловскую улицу и здѣсь разбили и разграбили большой домъ г. Фихтенгофца, бывшаго Вайнштейна. Въ одно изъ улицъ думы, где были стоянки солдатъ, показалась въ открытомъ экипажѣ генераль-адъютантъ Дрентель, который и отправился обозрѣвать городъ. Между тѣмъ къ 10 ч. утра, несмотря на множество разставленныхъ цѣпей войскъ, бунтовщики проникли на Михайловскую улицу и здѣсь разбили и разграбили большой домъ г. Фихтенгофца, бывшаго Вайнштейна. Въ одно изъ улицъ думы, где были стоянки солдатъ, показалась въ открытомъ экипажѣ генераль-адъютантъ Дрентель, который и отправился обозрѣвать городъ. Между тѣмъ къ 10 ч. утра, несмотря на множество разставленныхъ цѣпей войскъ, бунтовщики проникли на Михайловскую улицу и здѣсь разбили и разграбили большой домъ г. Фихтенгофца, бывшаго Вайнштейна. Въ одно изъ улицъ думы, где были стоянки солдатъ, показалась въ открытомъ экипажѣ генераль-адъютантъ Дрентель, который и отправился обозрѣвать городъ. Между тѣмъ къ 10 ч. утра, несмотря на множество разставленныхъ цѣпей войскъ, бунтовщики проникли на Михайловскую улицу и здѣсь разбили и разграбили большой домъ г. Фихтенгофца, бывшаго Вайнштейна. Въ одно изъ улицъ думы, где были стоянки солдатъ, показалась въ открытомъ экипажѣ генераль-адъютантъ Дрентель, который и отправился обозрѣвать городъ. Между тѣмъ къ 10 ч. утра, несмотря на множество разставленныхъ цѣпей войскъ, бунтовщики проникли на Михайловскую улицу и здѣсь разбили и разграбили большой домъ г. Фихтенгофца, бывшаго Вайнштейна. Въ одно изъ улицъ думы, где были стоянки солдатъ, показалась въ открытомъ экипажѣ генераль-адъютантъ Дрентель, который и отправился обозрѣвать городъ. Между тѣмъ къ 10 ч. утра, несмотря на множество разставленныхъ цѣпей войскъ, бунтовщики проникли на Михайловскую улицу и здѣсь разбили и разграбили большой домъ г. Фихтенгофца, бывшаго Вайнштейна. Въ одно изъ улицъ думы, где были стоянки солдатъ, показалась въ открытомъ экипажѣ генераль-адъютантъ Дрентель, который и отправился обозрѣвать городъ. Между тѣмъ къ 10 ч. утра, несмотря на множество разставленныхъ цѣпей войскъ, бунтовщики проникли на Михайловскую улицу и здѣсь разбили и разграбили большой домъ г. Фихтенгофца, бывшаго Вайнштейна. Въ одно изъ улицъ думы, где были стоянки солдатъ, показалась въ открытомъ экипажѣ генераль-адъютантъ Дрентель, который и отправился обозрѣвать городъ. Между тѣмъ къ 10 ч. утра, несмотря на множество разставленныхъ цѣпей войскъ, бунтовщики проникли на Михайловскую улицу и здѣсь разбили и разграбили большой домъ г. Фихтенгофца, бывшаго Вайнштейна. Въ одно изъ улицъ думы, где были стоянки солдатъ, показалась въ открытомъ экипажѣ генераль-адъютантъ Дрентель, который и отправился обозрѣвать городъ. Между тѣмъ къ 10 ч. утра, несмотря на множество разставленныхъ цѣпей войскъ, бунтовщики проникли на Михайловскую улицу и здѣсь разбили и разграбили большой домъ г. Фихтенгофца, бывшаго Вайнштейна. Въ одно изъ улицъ думы, где были стоянки солдатъ, показалась въ открытомъ экипажѣ генераль-адъютантъ Дрентель, который и отправился обозрѣвать городъ. Между тѣмъ къ 10 ч. утра, несмотря на множество разставленныхъ цѣпей войскъ, бунтовщики проникли на Михайловскую улицу и здѣсь разбили и разграбили большой домъ г. Фихтенгофца, бывшаго Вайнштейна. Въ одно изъ улицъ думы, где были стоянки солдатъ, показалась въ открытомъ экипажѣ генераль-адъютантъ Дрентель, который и отправился обозрѣвать городъ. Между тѣмъ къ 10 ч. утра, несмотря на множество разставленныхъ цѣпей войскъ, бунтовщики проникли на Михайловскую улицу и здѣсь разбили и разграбили большой домъ г. Фихтенгофца, бывшаго Вайнштейна. Въ одно изъ улицъ думы, где были стоянки солдатъ, показалась въ открытомъ экипажѣ генераль-адъютантъ Дрентель, который и отправился обозрѣвать городъ. Между тѣмъ къ 10 ч. утра, несмотря на множество разставленныхъ цѣпей войскъ, бунтовщики проникли на Михайловскую улицу и здѣсь разбили и разграбили большой домъ г. Фихтенгофца, бывшаго Вайнштейна. Въ одно изъ улицъ думы, где были стоянки солдатъ, показалась въ открытомъ экипажѣ генераль-адъютантъ Дрентель, который и отправился обозрѣвать городъ. Между тѣмъ къ 10 ч. утра, несмотря на множество разставленныхъ цѣпей войскъ, бунтовщики проникли на Михайловскую улицу и здѣсь разбили и разграбили большой домъ г. Фихтенгофца, бывшаго Вайнштейна. Въ одно изъ улицъ думы, где были стоянки солдатъ, показалась въ открытомъ экипажѣ генераль-адъютантъ Дрентель, который и отправился обозрѣвать городъ. Между тѣмъ къ 10 ч. утра, несмотря на множество разставленныхъ цѣпей войскъ, бунтовщики проникли на Михайловскую улицу и здѣсь разбили и разграбили большой домъ г. Фихтенгофца, бывшаго Вайнштейна. Въ одно изъ улицъ думы, где были стоянки солдатъ, показалась въ открытомъ экипажѣ генераль-адъютантъ Дрентель, который и отправился обозрѣвать городъ. Между тѣмъ къ 10 ч. утра, несмотря на множество разставленныхъ цѣпей войскъ, бунтовщики проникли на Михайловскую улицу и здѣсь разбили и разграбили большой домъ г. Фихтенгофца, бывшаго Вайнштейна. Въ одно изъ улицъ думы, где были стоянки солдатъ, показалась въ открытомъ экипажѣ генераль-адъютантъ Дрентель, который и отправился обозрѣвать городъ. Между тѣмъ къ 10 ч. утра, несмотря на множество разставленныхъ цѣпей войскъ, бунтовщики проникли на Михайловскую улицу и здѣсь разбили и разграбили большой домъ г. Фихтенгофца, бывшаго Вайнштейна. Въ одно изъ улицъ думы, где были стоянки солдатъ, показалась въ открытомъ экипажѣ генераль-адъютантъ Дрентель, который и отправился обозрѣвать городъ. Между тѣмъ къ 10 ч. утра, несмотря на множество разставленныхъ цѣпей войскъ, бунтовщики проникли на Михайловскую улицу и здѣсь разбили и разграбили большой домъ г. Фихтенгофца, бывшаго Вайнштейна. Въ одно изъ улицъ думы, где были стоянки солдатъ, показалась въ открытомъ экипажѣ генераль-адъютантъ Дрентель, который и отправился обозрѣвать городъ. Между тѣмъ къ 10 ч. утра, несмотря на множество разставленныхъ цѣпей войскъ, бунтовщики проникли на Михайловскую улицу и здѣсь разбили и разграбили большой домъ г. Фихтенгофца, бывшаго Вайнштейна. Въ одно изъ улицъ думы, где были стоянки солдатъ, показалась въ открытомъ экипажѣ генераль-адъютантъ Дрентель, который и отправился обозрѣвать городъ. Между тѣмъ къ 10 ч. утра, несмотря на множество разставленныхъ цѣпей войскъ, бунтовщики проникли на Михайловскую улицу и здѣсь разбили и разграбили большой домъ г. Фихтенгофца, бывшаго Вайнштейна. Въ одно изъ улицъ думы, где были стоянки солдатъ, показалась въ открытомъ экипажѣ генераль-адъютантъ Дрентель, который и отправился обозрѣвать городъ. Между тѣмъ къ 10 ч. утра, несмотря на множество разставленныхъ цѣпей войскъ, бунтовщики проникли на Михайловскую улицу и здѣсь разбили и разграбили большой домъ г. Фихтенгофца, бывшаго Вайнштейна. Въ одно изъ улицъ думы, где были стоянки солдатъ, показалась въ открытомъ экипажѣ генераль-адъютантъ Дрентель, который и отправился обозрѣвать городъ. Между тѣмъ къ 10 ч. утра, несмотря на множество разставленныхъ цѣпей войскъ, бунтовщики проникли на Михайловскую улицу и здѣсь разбили и разграбили большой домъ г. Фихтенгофца, бывшаго Вайнштейна. Въ одно изъ улицъ думы, где были стоянки солдатъ, показалась въ открытомъ экипажѣ генераль-адъютантъ Дрентель, который и отправился обозрѣвать городъ. Между тѣмъ къ 10 ч. утра, несмотря на множество разставленныхъ цѣпей войскъ, бунтовщики проникли на Михайловскую улицу и здѣсь разбили и разграбили большой домъ г. Фихтенгофца, бывшаго Вайнштейна. Въ одно изъ улицъ думы, где были стоянки солдатъ, показалась въ открытомъ экипажѣ генераль-адъютантъ Дрентель, который и отправился обозрѣвать городъ. Между тѣмъ къ 10 ч. утра, несмотря на множество разставленныхъ цѣпей войскъ, бунтовщики проникли на Михайловскую улицу и здѣсь разбили и разграбили большой домъ г. Фихтенгофца, бывшаго Вайнштейна. Въ одно изъ улицъ думы, где были стоянки солдатъ, показалась въ открытомъ экипажѣ генераль-адъютантъ Дрентель, который и отправился обозрѣвать городъ. Между тѣмъ къ 10 ч. утра, несмотря на множество разставленныхъ цѣпей войскъ, бунтовщики проникли на Михайловскую улицу и здѣсь разбили и разграбили большой домъ г. Фихтенгофца, бывшаго Вайнштейна. Въ одно изъ улицъ думы, где были стоянки солдатъ, показалась въ открытомъ экипажѣ генераль-адъютантъ Дрентель, который и отправился обозрѣвать городъ. Между тѣмъ къ 10 ч. утра, несмотря на множество разставленныхъ цѣпей войскъ, бунтовщики проникли на Михайловскую улицу и здѣсь разбили и разграбили большой домъ г. Фихтенгофца, бывшаго Вайнштейна. Въ одно изъ улицъ думы, где были стоянки солдатъ, показалась въ открытомъ экипажѣ генераль-адъютантъ Дрентель, который и отправился обозрѣвать городъ. Между тѣмъ къ 10 ч. утра, несмотря на множество разставленныхъ цѣпей войскъ, б

Замѣтка на отвѣтъ Г-на Дринова.

Въ 106 № „Южного Края“ мы прочли отвѣтъ г. Дринова, отвѣтъ вполнѣ достойный нашего критика. Полагаю, что я оказалъ бы самую плохую услугу читателямъ „Южного Края“, если бы, слѣдя примѣру своего противника, осыпалъ бы, въ свою очередь, и его обвиненіями въ нѣвѣжествѣ, искаженіи фактъ и т. д. Пусть полемическіе пріемы г-на Дринова остаются его исключительною принадлежностью; я ограничусь лишь немногими указаніями на суть дѣла. Г-нь Дриновъ начинаетъ сътвованіями на то, что я своимъ отвѣтомъ затемнилъ еще болѣе то дѣло, для уясненія котораго онъ счолъ долгомъ написать свои замѣтки. Прочитавъ внимательно весь отвѣтъ г-на Дринова, безпристрастный читатель прийдетъ, безъ сомнѣнія, къ совершенно обратному заключенію. Въ самомъ дѣлѣ, кто затемняетъ и извращаетъ все дѣло, авторъ ли послѣдней фазы восточного вопроса, или его критикъ? Въ чомъ заключались главные пункты спора, спора, вызваннаго г. Дриновимъ? Въ противоположность моимъ заключеніямъ, г-нь Дриновъ утверждалъ, что берлинскій договоръ расточалъ Портъ однѣ милости, что Порта не выполнила важнѣйшихъ постановлений договора, и что, наоборотъ, съ противной стороны было выполнено все, за исключеніемъ однихъ мелочей и ничтожествъ. Противъ всѣхъ этихъ утвержденій моего критика, я представилъ въ своемъ первомъ отвѣтѣ возраженія, — указалъ ему между прочимъ и на то, что я говорилъ о жертвахъ, наложенныхъ на Турцію Берлинскимъ, а не С. Стефанскимъ договоромъ. Какъ же отнесся мой критикъ ко всему этому? Онъ уклонился отъ всякаго прямого отвѣта и постарался перенести споръ на новую почву. Забывъ все то, что сказано было имъ въ замѣткахъ, онъ смѣло утверждаетъ теперь, что говорилъ лишь о подчиненіи восточной Румелии турецкому генераль-губернатору и позволилъ себѣ спросить меня только: какъ, столь тяжолыя, обязательства Берлинского трактата выполнила тутъ Порта? Даѣе г-нь Дриновъ объявляетъ, что онъ ссылался на С. Стефанский миръ не какъ дипломатъ, а какъ критикъ моей статьи. Говоря простымъ языкомъ, онъ желалъ придраться во что бы то не стало ко мнѣ. Вотъ все, что нашлось отвѣтить

г-ну Дринову на мои возраженія. Затѣмъ онъ переходитъ уже къ нападенію и начинаетъ разбирать степень нашей компетентности въ дѣлѣ, о которомъ писали мы. Понятно, что компетентность эта въ глазахъ г-на Дринова равняется нулю. Доказывается это очень просто. Говоря о трехъ частяхъ Болгаріи, отторгнутыхъ въ Берлинѣ въ пользу Румыніи, Сербіи и Турціи, частяхъ, не обозначенныхъ впрочемъ съ точностью у г-на Дринова, я подразумѣвалъ главнымъ образомъ Добруджу, старую Сербію и Македонію. Совершенно не то угодно теперь понимать подъ ними г-ну Дринову. Но спрашивается: потерю какихъ же частей Болгаріи оплакиваетъ г-нь Дриновъ? Добруджу онъ отдаетъ охотно, онъ готовъ отказаться и отъ старой Сербіи и отъ Македоніи, но онъ стоять за небольшой прѣзокъ къ Добруджѣ съ южной стороны отъ Монгалии до Силистріи, — клочокъ, равняющійся иѣсколькимъ десяткамъ квадратныхъ миль, за Широтскій округъ (56 к. м. съ 50,000 жителей частью болгарскаго, частью сербскаго происхожденія), прибавленный въ Берлинѣ къ Сербіи, и замѣчаетъ, что онъ не включалъ всей нынѣшней Македоніи въ ту часть Болгаріи, о которой шла у него рѣчь. На основаніи всего этого, г-нь Дриновъ упрекаетъ меня вслѣдъ за тѣмъ въ поверхностномъ знакомствѣ съ Берлинскимъ и С. Стефанскимъ договоромъ, въ смѣшеніи самыхъ простыхъ понятій, общезвѣстныхъ географическихъ терминовъ, въ глумлениі надъ непогрѣшимою ученостью его, г-на Дринова, и въ незнакомствѣ съ самыми основными пособіями для изученія этнографіи балканскихъ земель. И все это, замѣтьте, на основаніи того, что г-ну Дринову угодно понимать подъ своими словами совсѣмъ не то, что понимаютъ другіе. Ни въ нашей статьѣ, ни въ отвѣтѣ г-ну Дринову, мы не считали нужнымъ обозначать подробно тѣ области и клочки земель, которые входили въ составъ Болгаріи с. стефанской и Болгаріи берлинской. Употребляя такие термины, какъ Добруджа, старая Сербія и Македонія, мы хотѣли обозначить ими лишь тѣ части балканскихъ земель, которыхъ предоставлены были въ Берлинѣ, — Сербіи, Румыніи и Турціи и болѣе ничего.

Г-нь Дриновъ утверждаетъ, что я бросилъ

ему вызовъ, указавъ на огульный и голословный способъ его обвиненій и пытается вслѣдъ за тѣмъ разгромить меня своею тяжеловѣсною ученостью, испещреною не только нѣмецкими, но даже итальянскими цитатами. Тактика моего противника при этомъ блещетъ, какъ и всегда, своею оригинальностью и смѣлостью. Онъ приводить нѣсколько фактовъ изъ прошлаго Румыніи, фактовъ, свидѣтельствующихъ, что Турки встрѣчали по временамъ и въ этой странѣ упорное сопротивленіе, и выводить изъ этого цѣлый рядъ заключеній, впервыхъ, о моемъ незнанії этихъ фактовъ, вовторыхъ, о полной невѣрности моего отзыва о прошломъ румыновъ и албанцевъ. Съ торжествомъ спрашивается мой критикъ, гдѣ прикажетъ искать г-нъ Надлеръ то двойное иго фанаріотовъ и пашей, подъ которыми томились Румыны цѣлые вѣка? Отвѣчаю. Единичные факты, приводимые г-номъ Дриновыимъ, факты впрочемъ мнѣ хорошо известные, никакъ не могутъ придать румынской исторіи того героического характера, которымъ отличается исторія албанская. Дѣло не въ подвигахъ отдельныхъ лицъ, а въ характерѣ стремленій всей націи и въ результахъ. Албанцы никогда не теряли вполнѣ своей независимости, румыны подчинились въ концѣ концовъ безусловно турецкому господству... Никогда албанцы не подчинялись такъ рабски двойному греко-турецкому игу, какъ румыны. Вѣдь самъ г-нъ Дриновъ соглашается, что Румынія находилась то въ васальной зависимости Турци, то Польши; вѣдь по его собственнымъ словамъ фанаріоты распоряжались въ Румыніи около 100 лѣтъ. Туземные господари, о которыхъ говорить г-нъ Дриновъ, держали массу народа въ самомъ страшномъ рабствѣ, сохраняли же они свое полуунезависимое

положеніе, единственно, благодаря географическому положенію Румыніи на рубежѣ мусульманского и христіанского міра. Правда, многие албанцы принимали исламъ, а другіе бѣжали въ Италію, но что же это доказываетъ? Я полагаю только—ихъ свободолюбіе и больше ничего. Сербы также принимали исламъ, а другіе тысячами бѣжали въ Австрію. Румыны не дѣлали ни того, ни другого, они предпочитали безусловное подчиненіе туркамъ,—г-нъ Дриновъ видѣтъ въ этомъ геройство, это его дѣло. Г-нъ Дриновъ утверждаетъ, что наши историческія свѣдѣнія по албанскому прошлому взяты изъ области романа и въ доказательство приводить, что мы ничего не знаемъ ни объ открытіяхъ К. Гопфа, ни о славянскомъ происхожденіи Скандербега. Мы не сочли нужнымъ говорить о родословной албанского героя—это правда, знаемъ же ли мы объ этой родословной, а равно, знакомы ли мы съ изслѣдованіями К. Гопфа, это вопросъ другой—разрѣшать который напрасно хлопочетъ г-нъ Дриновъ. Замѣчательно, что г-нъ Дриновъ не коснулся въ своемъ отвѣтѣ ни вѣнскихъ журналовъ въ родѣ „Kikiriki“, ни состава и характера болгарского собранія, ни, наконецъ, загадочнаго для него закона, вызвавшаго veto князя Александра. Онъ ограничился на этотъ разъ аппеляціею къ русскимъ офицерамъ на болгарской службѣ; чего желаетъ достигнуть онъ этимъ обращеніемъ и на какой путь вступаетъ онъ тутъ, пойметъ, полагаю, каждый.

Г-нъ Дриновъ заявляетъ, что онъ отказывается отъ дальнѣйшей полемики со мною; то же самое с留意шую заявить съ своей стороны и я. Полемизировать въ томъ тонѣ и направлениі, которые усвоилъ себѣ г-нъ Дриновъ, я вообще не въ состояніи.